

НОВЫЙ АЛЬЯНС В БОРЬБЕ ЗА ЛИДЕРСТВО В АРАБСКОМ РЕГИОНЕ*

© 2019 А. ВАСИЛЬЕВ, Т. ХАЙРУЛЛИН, А. КОРОТАЕВ

DOI: 10.31857/S032150750006519-2

Катарско-турецкий альянс, используя панарабскую сеть ассоциации «Братьев-мусульман», а также их идеологию в качестве инструмента в достижении регионального лидерства, сумел достичь впечатляющих успехов в первый период «арабской весны» 2011-2012 гг. Однако в 2013 г. Саудовская Аравия и ее союзники перешли в контрнаступление. Его главным успехом было свержение правительства «Братьев-мусульман» в Египте, осуществленное в союзе с египетскими военными и некоторыми другими внутренними египетскими и международными силами. На данный момент Саудовская Аравия, похоже, остается единственной ближневосточной державой, которая всерьез стремится к региональному лидерству, но потенциал турецко-катарско-ихванского альянса все-таки не стоит недооценивать.

Ключевые слова: катарско-турецкий альянс, «Братья-мусульмане», исламизм, салафиты, Саудовская Аравия, нестабильность, Сирия

QATARI-TURKISH ALLIANCE CHALLENGE FOR REGIONAL LEADERSHIP

Aleksey M. VASILIEV, Academician, Professor, Honorary President, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Head, Department of African and Arabic Studies, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Editor-in-Chief, "Aziya i Afrika segodnya" journal (dir@inafr.ru)

Timur R. KHAYRULLIN, Research Fellow, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Research Fellow, Center of Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (jumglaw16@yandex.ru)

Andrey V. KOROTAYEV, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University Higher School of Economics; Chief Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Research Fellow, RUDN University (akorotayev@gmail.com)

The Qatari-Turkish alliance, using the pan-Arab network of the Muslim Brotherhood as well as their ideology as a tool to achieve regional leadership, managed to achieve impressive success during the first period of Arab Spring in 2011-2012. The Qatari-Turkish alliance proved to be quite an effective mechanism. Indeed, despite the big economic, demographic and military potential (comparable to Iran, Saudi Arabia or Egypt), Turkey (as a non-Arab state) hardly had any real chances to single-handedly achieve regional leadership in the predominantly Arab region (by the way, this is a serious obstacle to Iranian efforts). On the other hand, Qatar, despite its enormous financial resources and Arab identity, is too small to make any serious attempt alone to achieve broad regional influence. Qatar and Turkey managed to throw in 2010-2012 quite an impressive challenge to other regional powers only after they joined forces, adding to this the broad political potential of the pan-Arab Association of Muslim Brotherhood. However, in 2013, Saudi Arabia and its allies managed to carry out a fairly successful counteroffensive. Its central element was the overthrow of the Muslim Brotherhood government in Egypt, carried out in alliance with the Egyptian military and some other internal Egyptian and international forces. At the moment, Saudi Arabia seems to be the only Middle East power that seriously seeks regional leadership, but the potential of the Turkish-Qatari-Ikhwan Alliance should not be underestimated.

Keywords: Qatari-Turkish Alliance, Muslim Brotherhood, Islamism, Salafis, Saudi Arabia, instability, Syria

Одним из претендентов на региональное лидерство в арабском регионе в настоящее время является турецко-катарский альянс, использующий исламистский проект «Братьев-мусульман». Поэтому статью имеет смысл начать с истории возникновения данного исламистского проекта.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00155).

ВАСИЛЬЕВ Алексей Михайлович, академик РАН, почетный президент Института Африки РАН. РФ, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1; зав. кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (РУДН). РФ, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня» (dir@inafr.ru)

ХАЙРУЛЛИН Тимур Радикович, кандидат политических наук, н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований, ИАФР РАН. РФ, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; н.с. Центра политологических исследований, Финансовый университет при правительстве РФ, 125993, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49 (jumglaw16@yandex.ru)

КОРОТАЕВ Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор, зав. Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ. РФ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; гл.н.с. ИАФР РАН. РФ, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1; н.с. РУДН. РФ, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (akorotayev@gmail.com)

Первоначально Ассоциация «Братьев-мусульман», возникшая в Египте в 1928 г., не носила политического характера и не стремилась к достижению власти, а имела образовательно-просветительский характер. Об этом говорит и деятельность основателя Ассоциации Хасана аль-Банни, школьного учителя и мусульманского проповедника.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «ИХВАНСКОГО»* ПРОЕКТА

Несмотря на враждебное отношение властей, популярность «Братьев-мусульман» среди населения росла. Уже к концу 1940-х гг. Ассоциация насчитывала от 500 тыс. до 2 млн членов и несколько филиалов в ряде арабских стран [6, с. 122]. Благодаря активным прозелитическим методам работы среди всех слоев египетского общества «Братья-мусульмане» стали одним из влиятельных полюсов силы на политической арене, угрожая тем самым достаточно светскому монархическому режиму короля Фарука I.

После революционных событий 23 июля 1953 г., в ходе которых организацией «Свободные офицеры» была свергнута власть короля, «Братья-мусульмане» на первых порах приветствовали новую власть, оказав ей определенную поддержку. Однако чрезмерное требование политических преференций со стороны «Братьев-мусульман», а также несоответствие их исламистской идеологии идеям арабского национализма режима Г.А.Насера, привели к обострению ситуации.

Непримиримость обеих сторон привела к тому, что в 1954 г. лидер революции Г.А.Насер опубликовал заявление, в котором обвинил «Братьев-мусульман» в связях с британским правительством. «Братья-мусульмане» в результате оказались за пределами официальной политики [1, с. 5].

14 января 1954 г. руководством страны было принято решение о роспуске Ассоциации «Братьев-мусульман» и запрете ее деятельности на территории египетской республики [2, с. 476]. В ходе репрессий одна часть сторонников (около 20 тыс.) была заключена под стражу, другая - ушла в подполье, а многие бежали за границу, что, кстати, привело к активизации движения в других арабских странах [2, с. 476].

Отметим, что притеснения со стороны насеровского режима мобилизовали «братьев» на поиск новых идей, оправдывающих методы борьбы

с властью. Если раньше в кругах Ассоциации преобладали умеренные идеи аль-Банни, то после репрессий Насера обрели популярность радикальные взгляды Сайида Кутбы, которые впоследствии раскололи движение исламизма на противостоящих сторонников радикального и умеренного толка [1, с. 6; 24, р. 260].

Внезапная смерть лидера революции Г.А.Насера и приход к власти А.Садата ознаменовались для «Братьев-мусульман» временем существенных послаблений. Однако после осуждения «Братьями-мусульманами» в 1979 г. египетско-израильского мирного договора они снова стали преследоваться. С убийством Садата в 1981 г. исламистами и приходом к власти Х.Мубарака гонения на «Братьев-мусульман» не прекратились.

Заметную эволюцию испытала в 1970-е - 2000-е гг. и идеология «Братьев-мусульман». Помимо радикального, сформировался умеренный блок во главе с аль-Худайби, а также его последователями У.Тильмисани, М.Машхуром и т.д.

На современном этапе их взгляды были дополнены идеями видного богослова и духовного лидера «Братьев-мусульман» аль-Кардави, который выступал за республику как идеальную форму государства. Уже в 2000-е гг. подавляющее большинство «братьев» в Египте (да и в большинстве других арабских стран) считали демократию «лучшей формой правления» [17, р. 42].

Отметим, что достаточно новый подход был сформулирован лидером образованной «Братьями-мусульманами» Партии свободы и справедливости (ПСС) М.Мурси. Во время интервью Дмитрию Веницкому, корреспонденту журнала «Азия и Африка сегодня», М.Мурси заявил, что общество сознательно и добровольно должно опираться на принципы ислама. ПСС является составной частью Ассоциации и не подменяет ее, а лишь делает акцент на политической деятельности. По мнению М.Мурси, народ в исламе является источником власти, поэтому партия исповедует демократические принципы. Демократия в исламском понимании это - шура (совет) [4, с. 121].

Таким образом, в последние десятилетия «Братьям-мусульманам» удалось выработать своего рода идеологию «демократического исламизма», значительно более приспособленную к современным реалиям и приемлемую для мирового сообщества, идеологию, позволяющую им достаточно успешно участвовать в современной политической жизни.

* Ихваны - здесь речь идет о сторонниках т.н. «политического ислама», зародившегося в Египте общественно-политического движения «Братья-мусульмане». Однако в историографии и востоковедческих исследованиях термин «ихваны» применялся и в отношении тех сил, с помощью которых, например, пришел к власти дом Саудов (прим. авт.).

В целом, рассмотренный период для «братьев» был успешным, несмотря на многочисленные запреты. Ассоциация «Братья-мусульмане» благодаря четко выстроенной программе и внутренней дисциплине стала транснациональным движением, вышедшим далеко за рамки египетской политической арены.

Различной степенью влияния в различные периоды своей истории Ассоциация обладала в Ливии, Бахрейне, Ираке, Палестине, Катаре, Кувейте, Саудовской Аравии, Сирии, Объединенных Арабских Эмиратах, Йемене, Алжире, Мавритании, Марокко, Ливане, Тунисе, Иордании, Судане. Наибольших успехов в борьбе за власть «Братья-мусульмане» во второй половине XX в. в те или иные периоды времени добились в Сирии, Иордании и Судане. При этом за периодами удач обычно следовали периоды отступлений.

Помимо всего прочего, «Братья-мусульмане» способствовали возникновению таких политических организаций, как йеменский Ислах, палестинский ХАМАС, тунисская партия «Возрождение», марокканская и турецкая «Партия справедливости и развития», Национальный конгресс в Судане. «Братья-мусульмане» также активно участвовали в политике многих других стран Ближнего Востока и Северной Африки.

СБЛИЖЕНИЕ КАТАРА И «БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН»

Особые отношения у «братьев» начали складываться с Катаром в 50-е - 60-е гг. XX в. в связи с тем, что в Египте начались массовые репрессии против исламистов, что стимулировало их переселение в страны Залива, в т.ч. и в Катар. Поскольку важным направлением деятельности «Братьев-мусульман» было участие в развитии образования (и в особенности, естественно, исламского), в Катаре они оказались востребованными в сфере образования, для развития которой у государства собственных кадров не было. Как отмечает британский исследователь Д.Робертс, прием видных представителей «Братьев-мусульман» позволил Катару несколько повысить свой региональный статус [26, р. 89].

При этом Катар ограничивал институциональные возможности, имеющиеся у улемов «Братьев-мусульман» любого профиля для оказания влияния внутри самого Катара, поощряя, вместе с тем, деятельность «братьев» по распространению своих идей за пределами катарского государства [11, р. 97]. Неудивительно, что «братья» с начала 1960-х гг. стали использовать Катар в качестве «плацдарма» для экспансии в другие страны арабского региона. В дальнейшем эффективным инст-

рументом для такого рода экспансии послужил телеканал «Аль-Джазира».

СБЛИЖЕНИЕ КАТАРА И ТУРЦИИ

Развитию катарско-турецких отношений способствовало сотрудничество каждой из сторон с египетскими «Братьями-мусульманами», а также совместное использование ими таких версий идеологии умеренного исламизма, которые были близкими к «ихванским».

Корни сближения Катара и Турции уходят достаточно глубоко в прошлое. Уже на следующий год после получения Катаром независимости, в 1972 г., государство Катар и Турецкая Республика изъявили намерение установить дипломатические отношения на уровне послов. Позже, в 1979 г., оба государства обменялись открытием посольств. В 1980-х гг. были подписаны двусторонние соглашения, которые с каждым годом стали набирать обороты. К примеру, свой первый договор о техническом и экономическом сотрудничестве Катар и Турция подписали в 1985 г., а затем еще пять - в 2001 г., незадолго до прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. [30].

Важную роль в укреплении отношений между странами сыграла деятельность «Братьев-мусульман», которая выражалась в установлении тесных контактов как с исламистами Катара, так и с исламистами Турции. Впоследствии умеренный исламизм «Братьев-мусульман» стал крепкой идеологической основой в выстраивании общей внешнеполитической линии турецкого и катарского правительств.

Очень серьезные попытки сближения с Турцией были предприняты Катаром еще до прихода к власти ПСР и Р.Т.Эрдогана. Связано это было во многом с обострением в 1990-е гг. саудовско-катарских отношений.

По некоторым данным, в 1992 г. между Катаром и Саудовской Аравией произошли военные стычки из-за пограничного спора между двумя странами. Кроме того, в 1995 г. Шейх Хамад бин Халифа Аль Тани организовал мирный переворот против правящего эмира, своего отца, когда тот находился за границей. Его отец стремился вернуться на свое место с помощью Саудовской Аравии и ОАЭ. С тех пор для Катара Саудовская Аравия стала главной угрозой его безопасности [31, р. 12]. Это заставило Катар искать себе союзников на Ближнем Востоке за пределами Залива.

Визит катарского эмира Хамада бин Халифы Аль Тани в Турцию 25-26 декабря 2001 г. проложил путь к созданию правовой основы экономического и военного сотрудничества путем подпи-

сания ряда протоколов [8]. Уже в июле 2002 г. Катар и Турция подписали соглашение о сотрудничестве в области военной подготовки, а также меморандум о взаимопонимании в области оборонной промышленности [9].

Однако реальное превращение Катара и Турции в стратегических партнеров началось после прихода к власти в Турции близкой к «Братьям-мусульманам» исламистской ПСР во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом. Но первое время ПСР пыталась не афишировать свою тесную связь и близость с «Братями-мусульманами» и Катаром (главным покровителем «Братьев-мусульман» в этот период времени), чтобы предстать в качестве центристской политической силы в глазах электората и секуляристского истеблишмента, особенно судебного и военного. В свой первый срок пребывания во главе турецкого правительства Р.Т.Эрдоган (2003-2007 гг.) был сосредоточен в большей степени на вступлении Турции в ЕС, выравнивании отношений с США и дальнейшей интеграции в мировую экономику [33].

Деятельность Р.Т.Эрдогана в направлении сближения с Катаром и «Братями-мусульманами» заметно активизировалась после убедительной победы ПСР на парламентских выборах 2007 г. После открытия в 2008 г. в Стамбуле Генерального консульства Государства Катар визиты на уровне глав государств и министров перешли на качественно новый уровень. Это подтверждают взаимные официальные визиты в течение всего 2008 г. [22].

Ряд наблюдателей обратил внимание на складывание катарско-турецкого альянса еще до начала «арабской весны». Так, американский исследователь К.Б.Канат еще в 2010 г. писал: «Одним из самых значительных событий последних лет стало сближение между Турцией и Катаром...» [19, р. 211].

В свою очередь, идеологическое родство между «Братями-мусульманами» и турецкой Партией справедливости и развития также уходит корнями в 1960-е гг. «Братья-мусульмане» установили контакт с Неджметтином Эрбаканом, который в 1969 г. основал турецкое отделение «Братьев-мусульман» - «Милли Геруш», развившееся во влиятельное религиозно-политическое движение [18].

В период с 1970 по 2001 гг. на базе «Милли Геруш» образовался ряд исламистских партий, вдохновленных Эрбаканом. Эти партии сменяли друг друга, поскольку они систематически запрещались за нарушение светского законодательства Турции. В тот период Р.Т.Эрдоган, будучи советником Н.Эрбакана, а также главой молодежной организации Партии национального порядка, впервые завязал контакты с британским представителем «Бра-

тьев-мусульман» Кемалем аль-Хелбави на серии конференций, организованных Всемирной Ассамблеей мусульманской молодежи [21, р. 8].

Отметим, что в съездах партии Благоденствия (преемницы двух предыдущих партий - Партии национального порядка и Партии национального спасения) в 1993 и 1996 гг. принимали участие представители «Братьев-мусульман» как из Египта, так и из Туниса [32]. На протяжении всей своей политической карьеры Н.Эрбакан и Р.Т.Эрдоган поддерживали рабочие отношения с глобальной сетью «Братьев-мусульман». В 1990-х гг. Эрбакан начал серию исламистских конвенций, целью которых было собрать лидеров Ассоциации из регионов Ближнего Востока и Северной Африки, чтобы противостоять западному влиянию в регионе [33].

После очередного запрета одной из исламистских партий 22 июня 2001 г. произошел раскол, который привел к тому, что ее место заняли две партии - Партия счастья, представляющая старую гвардию Н.Эрбакана, и Партия справедливости и развития (ПСР), возглавляемая более молодыми и более прагматичными политиками, сгруппировавшимися вокруг Р.Т.Эрдогана. При этом важно отметить, что с момента своего создания ПСР рассматривала себя как часть более широкой сети исламистских движений.

С середины 2000-х гг. ПСР значительно активизирует контакты с панарабской сетью «Братьев-мусульман». Профессор исследовательского центра *Kronos Advisory* С.Г.Мерли даже утверждает, что с 2006 г. Турция стала новым центром транснационального движения «Братья-мусульмане» [21, р. 17]. В качестве доказательств он приводит проведение не менее 10 международных конференций «Братьев-мусульман» в Стамбуле в 2006 г., например, «Конференция мусульман Европы» 1-2 июля [23]. Некоторые из конференций были сосредоточены исключительно на проблемах Палестины и сектора Газа, в частности, «Всемирная Народная конференция в поддержку Палестины» [21, р. 17].

Частые визиты членов «братства» в Турцию подчеркивают не только тесные контакты исламистской ПСР с «Братями-мусульманами», но и с Катаром. Таким образом, уже за несколько лет до начала событий «арабской весны» мы видим формирование достаточно четких контуров катарско-турецко-ихванской политической оси.

Активное сотрудничество катарско-турецкого альянса с «Братями-мусульманами», а также использование их идеологии умеренного исламизма в качестве инструмента позволило Турции и Катару претендовать на роль региональных лидеров.

ИХВАНСКИЙ ПРОЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ В РУКАХ КАТАРА И ТУРЦИИ ПО ДОСТИЖЕНИЮ ЛИДЕРСКИХ ПОЗИЦИЙ В АРАБСКОМ РЕГИОНЕ

Совместные катарско-турецкие усилия (в сотрудничестве с «Братьями-мусульманами») по укреплению лидерских позиций в арабском регионе, особенно в египетском, ливийском кризисе, а также в сирийской гражданской войне (см. подробнее ниже) привели к тому, что их отношения могут быть охарактеризованы как альянс [34].

В Египте в период правления Х.Мубарака и до его свержения в 2011 г. популярность исламистского движения в стране постоянно росла. На этом фоне Турция и Катар стали все больше пытаться влиять на развитие ситуации в Египте. Так, президент Турции А.Гюль был первым главой государства, посетившим Египет в 2011 г. после свержения Х.Мубарака. Имеется информация, что уже в марте 2011 г. один из кандидатов в президенты от «Братьев-мусульман» отправился в Доху для координации деятельности между «братьями» и Катаром в предстоящий период [13]. Помимо этого, правящая в Турции исламистская ПСР оказывала экспертное содействие египетским «Братьям-мусульманам» в избирательной кампании 2012 г. [27].

В результате победы на президентских выборах 2012 г. к власти в Египте фактически пришли «Братья-мусульмане» во главе с Мухаммедом Мурси. С приходом к власти в Египте «Братьев-мусульман» Турция и Катар начали предоставлять стране большую политическую, финансовую и техническую поддержку.

Будучи первой арабской страной, признавшей легитимность свержения Х.Мубарака и приход к власти «Братьев-мусульман» [15], Катар оказал финансовую помощь Египту в размещении депозитов на сумму \$2,5 млрд с августа 2012 г., а также обещал дополнительно выделить более \$2 млрд, доведя свою общую помощь до \$5 млрд. Помимо этого, Катар обещал инвестировать \$18 млрд в Египет в течение следующих 5 лет, и его компания *QInvest* перешла к покупке контрольного пакета акций крупнейшего инвестиционного банка Египта - *EFG Hermes* [29].

Видя в египетских «Братьях-мусульманах» стратегического партнера, Турция сразу после падения режима Х.Мубарака обязалась предоставить Египту помощь в целях развития на сумму \$2 млрд, а также организовала поставки технического оборудования для решения проблем, связанных с коммунальным хозяйством. Объем товарооборота между двумя странами в 2012 г. достиг уровня в \$5 млрд [10].

В свою очередь, М.Мурси и лидер ХАМАС Х.Машаль приняли участие в съезде партии ПСР в 2012 г., где египетский лидер поблагодарил турецкое правительство за оказанную поддержку. В период нахождения египетских исламистов у власти произошел взаимный обмен визитами М.Мурси и Р.Эрдогана, были подписаны 27 двусторонних соглашений в области торговли, транспорта и полицейского сотрудничества [10].

Финансово-экономическое положение Египта, резко ухудшившееся после падения режима Х.Мубарака, оставалось очень непростым. Существенную помощь в данной ситуации оказал Катар, который поддержал администрацию М.Мурси щедрыми дотациями и кредитами на общую сумму около \$8 млрд [15]. В частности, Катар осуществил финансовую помощь Египту в размере \$3 млрд после визита делегации «Братьев-мусульман» в Доху в апреле 2013 г., обеспечив тем самым на какое-то время рост золотовалютных резервов египетской республики [3, с. 5].

В июне 2013 г. Саудовская Аравия и ее союзники перешли в открытое контрнаступление в Египте против турецко-катарско-ихванского блока. На политическую арену вышли египетские военные во главе с генералом Абдул-Фаттахом Халилом ас-Сиси, поддерживаемым саудовцами. Действовавшая в одном блоке с военной элитой экономическая элита страны пошла на откровенный сговор с ней и устроила достаточно эффективный саботаж, организовав искусственные перебои поставок электроэнергии и бензина, активизировав тем самым социальное недовольство, вылившееся в демонстрации и протесты [20]. После переворота 3 июля 2013 г. ситуация заметно улучшилась, что также может служить подтверждением того, что в июне перебои с поставками топлива и электроэнергии были связаны с прямым саботажем, который способствовал отставке президента М.Мурси [34].

Сразу же после свержения М.Мурси и его ареста Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ заявили о предоставлении финансовой помощи Египту в размере \$12 млрд, большая часть из них - 5 млрд - поступала от Эр-Рияда, 4 млрд - от Эль-Кувейта и на 1 млрд меньше - из ОАЭ [12]. Данная финансовая помощь позволила ас-Сиси удержаться у власти, но она превратила Египет в зависимое, теперь уже от Саудовской Аравии, государство.

Таким образом, летом 2013 г. Саудовской Аравии и ее союзникам удалось нанести в Египте самое серьезное поражение катарско-турецкому альянсу, что знаменовало собой (как мы увидим это ниже) начало саудовского контрнаступления после предпринятой катарско-турецким блоком на волне «арабской весны» достаточно впечатля-

ющей попытки добиться регионального лидерства [20].

ПОДДЕРЖКА КАТАРСКО-ТУРЕЦКИМ АЛЬЯНСОМ ХАМАС

Главная исламистская организация сектора Газа ХАМАС, которая имеет «родственные» связи с египетскими «Братьями-мусульманами» [5, с. 112], активизировала действия против Израиля. ХАМАС рассчитывал на исламскую солидарность со стороны пришедших к власти в Египте исламистов, часть представителей радикального крыла которых высказывалась за полную поддержку палестинцев и разрыв египетско-израильского мирного договора.

Действия палестинского ХАМАС вдохновлялись также и дипломатической поддержкой катарско-турецкого альянса. В 2012 г. тогдашний эмир Катара Хамад Бин Халифа Аль Тани стал первым главой государства, посетившим контролируемую ХАМАС Газу; при этом он пообещал выделить \$400 млн на восстановительные работы [16].

Лидер ХАМАС Халед Машаль в 2013 г. осуществил визит в Турцию и встретился с премьер-министром Турции Р.Т.Эрдоганом. В 2014 г. в Турции побывал один из командиров ХАМАС Салах аль-Арури, который, по словам Палестинской администрации, планировал несколько нападений на израильские цели. В декабре 2014 г. один из лидеров ХАМАС заявил, что его организация использует Турцию для обучения боевиков и планирования боевых операций. Тогдашний премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу принимал руководителя политического бюро ХАМАС Х.Машаля в том же месяце на партийном съезде.

Несмотря на то, что представители ХАМАС утверждали, что имеют контакты с различными арабскими странами, тесное взаимодействие с катарско-турецким альянсом стало дополнительным фактором укрепления стратегических отношений между катарской и турецкой сторонами.

Однако после прихода к власти в Египте военных в июле 2013 г. отношения между военным ХАМАС и Каиром обрели совсем не дружественный характер. Исходя из своих прагматических соображений, ХАМАС начал поиск дополнительного регионального союзника ввиду того, что движение «Братьев-мусульман» и их покровители в лице Катара и Турции потерпели политическое поражение в Египте.

Укрепляя связи с Саудовской Аравией, ХАМАС имела шансы изменить свой международный имидж террористической организации и получить щедрое финансовое вознаграждение

от монархий Залива во главе с Саудовской Аравией. Действительно, вопреки американо-израильским усилиям, страны Залива во главе с Саудовской Аравией не решаются включать ХАМАС в число террористических группировок, обосновывая это тем, что это - движение сопротивления израильской оккупации, которое никогда не проводило никаких военных действий за пределами оккупированной Палестины [14].

Таким образом, переход ХАМАС к многовекторной международной политике, которая заключалась в отходе от финансовой зависимости от Ирана и катарско-турецкого альянса, дает возможность для налаживания отношений с Саудовской Аравией, заинтересованной в ослаблении позиций иранской и катарско-турецкой сторон.

КАТАР И ТУРЦИЯ В СИРИИ

В сирийском кризисе турецко-катарский альянс активным образом продвигал свои интересы и стремился сделать местный филиал «Братьев-мусульман» лидерами оппозиции страны для последующей смены правительства Башара Асада.

Турция и Катар использовали для этого то обстоятельство, что первая крупная коалиция сирийских оппозиционеров в эмиграции - Сирийский национальный совет (СНС) - была сформирована при содействии Катара [7]) в августе 2011 г. в Стамбуле, где и стала размещаться ее штаб-квартира. Чрезмерный «прокатарский» крен, как следствие, засилье в нем представителей «Братьев-мусульман» [28], их агрессивная риторика - все это привело зарубежных спонсоров СНС к мысли о необходимости создания более представительной и умеренной группы [7, с. 103].

Фактически правопреемницей СНС стала образованная 11 ноября 2012 г. «Национальная Коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил» (НКСРОС), со штаб-квартирой в Каире, однако после начавшихся в стране беспорядков ее штаб-квартира была перенесена в Доху, что, естественно, усилило катарское влияние в этой организации.

НКСРОС не смогла стать эффективным инструментом в руках сирийской оппозиции из-за непрекращающихся разногласий между прокатарскими и просаудовскими представителями. Национальная коалиция так и не стала консолидированным органом в связи с чехардой внутри самой организации (сначала главой был представитель от «Братьев-мусульман», потом его сменил представитель от Саудовской Аравии [7, с. 106]). НКСРОС так и осталась искусственным и зависящим от зарубежных спонсоров объединением.

Вместе с тем, надо отметить, что в начале сирийской гражданской войны сформировался тактический союз между катарско-турецким альянсом и Саудовской Аравией. Главной целью Саудовской Аравии в Сирии было ликвидировать там иранское влияние, а главной целью катарско-турецкого блока - привести в Сирии к власти «Братьев-мусульман», но для достижения и того, и другого требовалось свергнуть режим Б.Асада. В результате, в начале конфликта между сторонами сложилось ситуативное сотрудничество [31, р. 6].

При поддержке Катара, Турции и Саудовской Аравии был создан Центр совместных операций (*Müsterek Operasyon Merkezi - MOM*), который занимался координацией деятельности умеренных исламистских формирований [25]. Центр базировался на территории Турции. С самого начала турецкая сторона пыталась брать контроль над проведением операций на себя.

К примеру, такие исламистские группировки, как «аль-Джабха аш-Шамийя», «Ахрар аш-Шам» придерживались идеологических установок «Братьев-мусульман» и поддерживались Катаром и Турцией [7, с. 158-159]. В свою очередь, Саудовская Аравия поддерживала суннитские вооруженные формирования, способные продвигать салафитские взгляды на занимаемых территориях, но не избегали и поддержки секуляристских формирований, способных выступить в качестве противовеса сирийским «Братьям-мусульманам» [34].

Однако на протяжении всей работы Центра *МOM* наблюдались серьезные разногласия между странами-участницами, а также между последними и повстанцами. Одним из источников серьезных противоречий в работе стал раскол в отношениях между США и Турцией. Американцы стали все больше опираться на курдские ополчения, что было совершенно неприемлемо для Турции.

Помимо американской стороны, активное участие в ослаблении катарско-турецких позиций в оппозиционном лагере сыграла Саудовская Аравия, которая способствовала тому, что НКСПРОС был отодвинут на второй план после женевских переговоров 2013 г.

В итоге, по результатам прошедшей 10 декабря 2015 г. конференции в Эр-Рияде, саудовцы способствовали образованию Высшего комитета по переговорам (ВКП) (фактически заменявшего НКСПРОС). Несмотря на новый идеологический раскол в организации, саудовцы сумели произвести реформирование ВКП - воспользовавшись разгоревшимся кризисом вокруг Катара в июне 2017 г. Так называемая Эр-Риядская группа делала упор на вытеснение из числа оппозиционных групп «прокатарских» и «протурецких» элементов, ориентировавшихся на идеологию «Братьев-мусульман» [7, с. 142].

Таким образом, Саудовская Аравия замыкала на себе основные направления, связанные с деятельностью ВКП как одного из главных оппозиционных органов, вытеснив на какое-то время катарско-турецкий альянс с переговорного процесса в женевском формате и ослабив их позиции на региональном уровне.

Собственно в Сирии позиции турецко-катарского альянса сейчас значительно сильнее, чем у Саудовской Аравии. Катар и Турция сохраняют некоторый контроль над северо-западом Сирии (хотя он и был заметно ослаблен в январе 2019 г. в результате успешного наступления радикальных формирований «Хай'ат Тахрир аш-Шам», входящих в состав «Джебхат ан-Нусры»), в то время как все зависевшие от Саудовской Аравии группировки в центральной и южной Сирии оказались разгромленными и/или эвакуированными на северо-запад, где оказались под контролем катарско-турецкого альянса.

Но нельзя не отметить, что значительное ослабление влияния Саудовской Аравии внутри Сирии было в очень высокой степени связано с началом саудовской интервенции в Йемен в 2015 г., которая оттянула на себя основные военные ресурсы Саудовской Аравии, резко ослабив ее возможности помогать сирийским повстанцам (а значит и удерживать их под своим контролем).

(Окончание следует)

Список литературы / References

1. Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 2-18. (Vasiliev A.M. 2011. Tsunami of revolutions // Asia and Africa today. № 3) (In Russ.)
2. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., 2018. (Vasiliev A.M. 2018. From Lenin to Putin. Russia in the Middle East. M.) (In Russ.)
3. Васильев А.М., Виницкий Д.И. Новый виток египетской революции // Азия и Африка сегодня. 2014. № 1. С. 4-11. (Vasiliev A.M., Vinitskii D.I. 2014. A new round of the Egyptian revolution // Asia and Africa today. № 1) (In Russ.)
4. Васильев А.М., Петров Н. Рецепты Арабской весны: русская версия. М., 2012. (Vasiliev A.M., Petrov N. 2012. Recipes of the Arab spring: a Russian version. M.) (In Russ.)
5. Косач Г.Г. Политический ислам в палестинском контексте: движение ХАМАС. Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М., 2001. С. 111-145. (Kosach G.G. 2001. Political Islam in the Palestinian context: Hamas. M.) (In Russ.)

6. Мартынкин А.В. Особенности политики исламской оппозиции в Египте // Вестник СевГТУ, серия Политология. 2007. № 84. С.122-126. (Martynkin A.V. 2007. Features of the policy of the Islamic opposition in Egypt // Bulletin of SevGTU. №. 84) (In Russ.)
7. Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений // Дисс. ... д.и.н. М., 2018. (Khodynskaya-Golenishcheva M.S. 2018. The Syrian crisis in the transforming system of international relations) (In Russ.)
8. Agreement between the Government of the State of Qatar and the Government of the Republic of Turkey // Concerning the Reciprocal Promotion and Protection of investments. 25 December 2001 - http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/en/qa-tr/trt_qa_tr_001en.pdf (accessed 04.06.2019)
9. Al-Harmi J. Qatar and Turkey ... Relations that transcend traditional diplomatic frames // YeniSafak. 10 September 2015 - <https://www.yenisafak.com/en/news/qatar-and-turkey-relations-that-transcend-traditional-diplomatic-frames-2297729> (accessed 06.07.2019)
10. Aydin-Duzgit S. The Seesaw Friendship Between Turkey's AKP and Egypt's Muslim Brotherhood // Carnegie Endowment. 24 July 2014 - <http://carnegieendowment.org/2014/07/24/seesaw-friendship-between-turkey-s-akp-and-egypt-s-muslim-brotherhood-pub-56243> (accessed 05.06.2019)
11. Baskan B., Wright S. Seeds of Change: Comparing State-Religion Relations in Qatar and Saudi Arabia // Arab Studies Quarterly № 33(2). 2011. Pp. 96-111.
12. Ben Flanagan M.H. Gulf's \$12 bn Aid to Egypt Seen as "Life-line", Not a Cure // Al-Arabiya. 11 July 2013 - <http://english.alarabiya.net/en/business/economy/2013/07/11/Gulf-s-12bn-aid-to-Egypt-seen-as-lifeline-not-a-cure.html> (accessed 06.06.2019)
13. Cafiero G., Wagner D. The UAE and Qatar Wage a Proxy War in Libya // HuffPost. 2016 - https://www.huffingtonpost.com/giorgio-cafiero/the-uae-and-qatar-wage-a-_b_8801602.html (accessed 10.06.2019)
14. Hannieh H.A. Why does Saudi Arabia describe Hamas as a terrorist organisation № // Middle East Monitor. 9 March 2018 - <https://www.middleeastmonitor.com/20180309-why-does-saudi-arabia-describe-hamas-as-a-terrorist-organisation/> (accessed 10.06.2019)
15. Henderson S. Gulf Aid to Egypt and U.S. Policy // The Washington Institute. 10 July 2013 - <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/gulf-aid-to-egypt-and-u.s.-policy> (accessed 07.07.2019)
16. Henderson S. The Emir of Qatar's Oval Office Meeting // The Washington Institute. 22 April 2013 - <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-emir-of-qatars-oval-office-meeting> (accessed 10.07.2019)
17. Inglehart R.F. The worldviews of Islamic publics in global perspective. Values and perceptions of the Islamic and Middle Eastern publics. New York: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 25-46.
18. Kader M.A. Turkey's relationship with the Muslim Brotherhood // Al-Arabiya. 14 October 2013 - <https://english.alarabiya.net/en/perspective/alarabiya-studies/2013/10/14/Turkey-s-relationship-with-the-Muslim-Brotherhood.html> (accessed 12.06.2019)
19. Kanat K.B. AK Party's Foreign Policy: Is Turkey Turning Away from the West? // Insight Turkey. ? 12(1). 2010. Pp. 205-225.
20. Ketchley N. Egypt in a Time of Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
21. Merley S.G. Turkey, the Global Muslim Brotherhood, and the Gaza Flotilla. Jerusalem: Jerusalem Center for Public Affairs, 2011.
22. Qatar and the World (Bilateral Relations) // Ministry of Foreign Affairs Government of Qatar. 2018 - <https://www.mofa.gov.qa/en/qatar/qatar-and-the-world?country=TR#bilateral-relations> (accessed 10.06.2019)
23. Muslims of Europe Conference. Challenges and Opportunities // Muslims of Europe Conference. 1-2 July 2006 - <http://web.archive.org/web/20070207081012/www.muslimsofeurope.com/invitees.php> (accessed 07.07.2019)
24. Osman T. Islamism: What it Means for the Middle East and the World. New Haven, CT: Yale University Press, 2016.
25. Özkizilcik O. Factions Fighting in the Syrian Civil War // Bellingcat. 29 April 2017 - <https://omerozkizilcik.wordpress.com/2017/04/29/factions-fighting-in-the-syrian-civil-war/> (accessed 08.06.2019)
26. Roberts D. Qatar and the Muslim Brotherhood: Pragmatism or Preference? // Middle East Policy. 2014. № 21(3). Pp. 84-94.
27. Senem A-D. The Seesaw Friendship Between Turkey's AKP and Egypt's Muslim Brotherhood // Carnegie Endowment for International Peace. 24 July 2014 - <http://carnegieendowment.org/2014/07/24/seesaw-friendship-between-turkey-s-akp-and-egypt-s-muslim-brotherhood-pub-56243> (accessed 08.06.2019)
28. Sly L. Syria's Muslim Brotherhood is gaining influence over anti-Assad revolt // The Washington Post. 12 May 2012 - https://www.washingtonpost.com/world/syrias-muslim-brotherhood-is-gaining-influence-over-anti-assad-revolt/2012/05/12/gIQAtoJLU_story.html?utm_term=.ba432a9405c9 (accessed 10.06.2019).
29. Qatar Doubles Aid to Egypt // The New York Times. 09 January 2013 - <https://www.nytimes.com/2013/01/09/world/middleeast/qatar-doubles-aid-to-egypt.html> (accessed 04.06.2019)
30. Viala B. Why Are Qatari-Turkish Relations Unique? // Indrastra. 11 January 2017 - <https://www.indrastra.com/2017/01/OPINION-Why-are-Qatari-Turkish-Relations-Unique-003-01-2017-0033.html#axzz5OL6hNNmM> (accessed 12.06.2019)
31. Yaghi M.A. Comparative Analysis of the role of Saudi Arabia, Qatar and United Arab Emirates in the Syrian Crisis / Paper presented at 2018 Gulf Research Meeting. 31 July - 3 August 2018, University of Cambridge. Pp. 1-40.
32. Yalcin S. Erbakan - Ihvan Iliskisi // Turktoresi. 29 July 2012 - <http://www.turktoresi.com/viewtopic.php?f=214&t=10225> (accessed 07.06.2019)
33. Хайруллин Т.Р. Формирование катарско-турецкого альянса // Азия и Африка сегодня. 2019. № 4. С. 30-35. (Khayrullin T.R. 2019. The Formation of Qatari-Turkish Alliance // Asia and Africa today. № 4) (In Russ.)
34. Хайруллин Т.Р. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе // Дисс. ... к.полит.н. М., 2019. (Khayrullin T.R. 2019. Islamist projects as an instrument of struggle for leadership in the Arab region. М.) (In Russ.)